

Потряхивание повозки не облегчало похмелья Феликса. Всякий раз, как колесо попадало в одну из глубоких выбоин на дороге, его мутило, и желудок угрожал вывернуть свое содержимое на придорожные кусты. Внутренность рта была словно покрыта мехом. Давление внутри черепа усиливалось, как в паровом котле. Но необычнее всего было то, что у него пробился страстный аппетит к жареной пище. Видения яичницы с беконом заполняли его мысли. Теперь он жалел, что ранее не позавтракал с Истребителями Троллей; но в тот момент зрелища, как они поглощают тарелки, с горкой заполненные ветчиной и яйцами, и чавкают над громадными краяхами чёрного хлеба, оказалось достаточно, чтобы его желудок скрутило. Но теперь за такую же еду он почти готов был пойти на убийство.

Некоторым утешением ему служило то, что Истребители были более-менее молчаливы, за исключением ворчания на гномьем по поводу, как он предполагал, их тяжёлого похмелья или же явно отвратительного пива людей. Лишь юный Варек выглядел весёлым и полным энергии, но ему таковым быть и надлежало. К большому неудовольствию двух других гномов, Варек остановился после трёх кружек, заявив, что ему достаточно. Сейчас он уверенными взмахами поводьев направлял мулов и насвистывал весёлую мелодию, не обращая внимания на нацеленные в его спину кинжалоподобные взгляды спутников. В этот момент Феликс яростно ненавидел его, что можно было объяснить лишь интенсивностью похмелья.

Чтобы отвлечься от похмелья и мыслей о внушающем страх приключении, которое, очевидно, вскоре предстоит, Феликс обратил внимание на окружающий мир. Несомненно, день был превосходный. Ярко светило солнце. Эта область Империи выглядела особенно плодородной и радующей глаз. Огромные бревенчатые срубы выросли из вершин окружающих холмов. Их окружали крытые соломой домики крестьян. За ограждениями паслись крупные пятнистые коровы, на шеях которых весело позвякивали колокольчики. Звучание каждого колокольчика различалось, из чего Феликс заключил, что пастух смог бы отследить каждую отдельную корову лишь по звуку.

Рядом с ними крестьянин вёл стадо гусей по пыльной дорожке. Поодаль прелестная крестьяночка, вилами собиравшая сено в стог, одарила Феликса очаровательной улыбкой. Он попытался найти силы, чтобы улыбнуться в ответ, но не смог. Феликс ощущал себя столетним стариком. Он смотрел на девушку, пока та не скрылась за изгибом дороги.

Повозка попала в очередную выбоину и подлетела выше.

— Смотри, куда едешь! — прорычал Готрек. — Неужели тебе не заметно, что Снорри Носокус страдает от похмелья?

— Снорри чувствует себя не очень хорошо, — подтвердил второй Истребитель и издал отвратительный булькающий звук. — Должно быть, это козлятина с тушёным картофелем, которую мы пробовали прошлой ночью. Снорри думает, что немного переел.

«Скорее всего, это тридцать или около того кружек эля, которые ты опорожнил», — скривившись, подумал Феликс. Он едва не высказал это вслух, но, даже страдая от похмелья, благоразумно воздержался. У него не было желания вылечить похмелье, подставив под топор свою голову. «Хотя, тоже вариант», — подумал он, когда повозка и его желудок совершили ещё один скачок.

Феликс снова обратил внимание на плотно утрамбованный каменистый грунт дороги под ними, который вызывал дрожь и вибрации, пытаясь сфокусировать мысли на чём-то отличном от его ужасно чувствительного желудка. Он мог разглядеть отдельные камни, выступавшие над землёй, каждый из которых был способен сломать деревянные колёса телеги, если бы

столкновение произошло под неправильным углом.

Прожужжав, на обратную сторону его руки мягко приземлилась муха, по которой он нанёс сильный шлепок. Та с презрительной лёгкостью увернулась от удара и продолжала суетиться вокруг головы Феликса. Первоначальная попытка истощила Феликса, и когда насекомое слишком близко подлетало к его глазам, он лишь пытался отогнать его потряхиванием головы. Он закрыл глаза и сфокусировал свою силу воли на создании, заставляя то сдохнуть, но оно отказывалось подчиняться. Время от времени Феликс мечтал о том, чтобы быть волшебником, и это был один из таких моментов. Он бился об заклад, что они не страдали бы тогда от похмелья и неудобств из-за толстой жужжащей мухи.

Внезапно на его лицо упала тень, повеяло прохладой. Подняв глаза, Феликс увидел, что они проезжают через небольшой лес разросшихся у дороги деревьев. Он быстро оглянулся вокруг, скорее по привычке, чем из опасения — подобные леса частенько предпочитают бандиты, а в Империи бандиты не редкость. Он не был уверен, существует ли такой дурень, что способен напасть на повозку с парой страдающих от похмелья Истребителей Троллей, но кто его знает. Странные вещи происходили с ним в его странствиях. Возможно, те вчерашние наёмники вернулись, чтобы отомстить. А в эти тёмные времена везде найдутся зверолоуды и мутанты. В своё время Феликс повстречал их достаточно, чтобы считать себя кем-то вроде эксперта в этом вопросе.

«Честно говоря, — подумал Феликс, — в теперешнем состоянии едва ли не с радостью принял бы удар топора зверолоуды». По крайней мере, это избавит его от страданий. Он решил, что ему показалось что-то странное. Он был почти уверен, что заметил нечто небольшое и розовоглазое, проشمыгнувшее среди зарослей немного позади дороги. Всего лишь через секунду оно пропало. Феликс едва не обратил на это внимание Готрека, но передумал, потому как идея прервать восстановление Истребителя от похмелья вряд ли была правильной.

И, скорее всего, ничего особенного, всего лишь какое-то небольшое мохнатое животное сбежало, опасаясь едущих по дороге путешественников. И всё же, что-то знакомое в очертаниях той головы не давало покоя измученным мозгам Феликса. Прямо сейчас он не мог определить, что именно, но был уверен — это всплывёт само через некоторое время. Ещё один существенный наклон повозки чуть не сбросил его. Он постарался удержать в желудке вчерашнюю козлятину с тушёной картошкой. Процесс получился затяжным и завершился успехом только тогда, когда пища была уже на полпути к выходу из его глотки.

— Куда мы направляемся? — спросил он Варека, чтобы отвлечься от своих страданий.

Не в первый раз он поклялся никогда не прикладываться более к пиву. Иногда ему казалось, что большинство его неприятностей каким-то образом начинается в тавернах. В самом деле, просто удивительно, почему он не осознал это ранее.

— К Одинокой Башне, — весело произнёс Варек.

Феликс подавил потребность ударить его, скорее из-за того, что был обессилен, чем по какой другой причине.

— Звучит... интригующе, — смог, наконец, сказать Феликс.

Но, в действительности, это звучало зловеще, как и названия многих других мест, которые он посетил за свою достойную сожаления карьеру в качестве спутника Истребителя. В любой части Империи любая местность под названием „одинокая башня“, вероятнее всего, относится к тому типу мест, которые не пожелал бы посетить никто из находящихся в здравом уме.

Укрепления в безлюдных местах по-обыкновению заполнены орками, гоблинами и прочими, ещё худшими существами.

— О, это действительно интересное место. Она построена над старой угольной шахтой. Дядя Борек занял её и обновил. Хорошая гномья работа. Выглядит, как новая. На самом деле, даже лучше, потому как изначальная постройка людей была, без обид, немного небрежной. За несколько сотен лет до нашего прихода она была заброшена всеми, кроме скавенов. Разумеется, нам пришлось сначала избавиться от них, и некоторые, возможно, всё ещё скрываются в шахте.

— Хорошо, — проворчал Готрек. — Не могу удержаться от возможности приятного времяпрепровождения, приканчивая скавенов. Излечивает похмелье лучше, чем пинта Багманского.

Феликс сам мог бы придумать массу более приятных способов провести время, чем охота на злобных крысоподобных чудищ в заброшенной и, несомненно, небезопасной шахте, но с Готреком он ими не поделился.

Варек оглянулся через плечо туда, где его пассажиры теснились со своими пожитками. Должно быть, они имели плачевный вид, потому что Снорри был экипирован не лучше, чем Готрек или Феликс. Его вещевой мешок был пуст, как кошелёк моряка после кутежа в порту. У Снорри не было ни плаща, ни даже одеяла. Феликс был рад, что у него был красный, шерстяной зюденландский плащ, под которым можно было свернуться калачиком. Он не сомневался, что предстоят довольно холодные ночи. И его не прельщала перспектива провести ночь на холодной земле.

— Сколько нам ещё туда добираться? — спросил он.

— За короткое время мы прошли значительное расстояние. Если выберем короткий путь через Костяные холмы, то будем на месте через два, самое большее три дня.

— Я слышал нехорошие вещи про Костяные холмы, — сказал Феликс.

Это была правда. Опять же, среди городов и городков Империи было немного таких, про которые он не слышал нехорошие вещи. Готрек и Снорри одновременно посмотрели с интересом, написанным на их лицах. Феликса никогда не переставало удивлять, что чем хуже звучит дело, тем счастливее выглядит Истребитель.

— Там поселились скавены из шахты и нападают на путников. Они также спускаются вниз и совершают набеги на фермы. Однако сейчас нам не о чем беспокоиться. Мы их не увидим, — сказал Варек. — Мы со Снорри прошли на повозке весь путь досюда, не почуяв ни малейшего намёка на неприятности.

Оба Истребителя откинулись назад, равнодушно медитируя в своём похмелье. Но Феликса это почему-то не успокоило. По его опыту, походы через дикую местность никогда не проходят гладко. И что-то после простого упоминания скавенов повело к тому, что подсознательно его начали беспокоить те крысоподобные очертания, которые он тогда заметил в лесу.

— Ты проделал весь этот путь сам? — спросил Феликс.

— Со мной был Снорри.

— У тебя есть оружие? — спросил Феликс, удостоверившись, что его длинный меч находится в

пределах досягаемости.

— У меня есть мой нож.

— У тебя есть нож! Как славно! Я уверен, что он будет весьма полезен, если на тебя нападут скавены.

— Никогда не видел скавенов. Лишь иногда ночью слышал слабые семенящие шаги. Что бы это ни было, думаю, что его испугал храп Снорри. А на случай нападения у меня есть мои бомбы.

— Бомбы?

Варек пошарил внутри своей одежды и достал гладкую чёрную сферу. К её верху было приделано странное металлическое устройство. Он передал её Феликсу, который осмотрел сферу вблизи. Похоже, если потянуть за зажим наверху, он высвободится.

— Поосторожнее с этим, — сказал Варек. — Это детонатор. Потянешь вот за это, оно дёргает кремниевый ударник, поджигающий присоединённый к взрывчатке фитиль. У тебя есть около четырёх ударов сердца, чтобы метнуть, а затем — бабах!

Феликс с опаской взглянул на вещь, наполовину ожидая, что та разорвётся в его руках.

— Бабах?

— Она взорвётся. Во все стороны полетят осколки. Это если загорится фитиль. Чего иногда не происходит. На самом деле, в половине случаев, но идея всё равно оригинальная. И разумеется, крайне, крайне редко они срабатывают без всякой на то причины. Такого почти никогда не происходит. Заметь, именно так Блорри остался без кисти руки. Заменял её крюком.

Феликс поспешно передал бомбу обратно Вареку, который спрятал её во внутренний карман своего одеяния. Феликс начал думать, что этот спокойный молодой гном, должно быть, более безумен, чем кажется на вид. Возможно, таковы все гномы.

— Знаешь, это работа Макайссона. У него неплохо получаются подобные вещи.

— Макайссон. Малакай Макайссон? — спросил Готрек. — Тот самый помешанный!

Феликс смотрел на Готрека, открыв рот от изумления. Он не был уверен, что хочет встретиться с этим Макайссоном. Любой, кого Готрек мог назвать помешанным, должен быть действительно безумен. Вероятно, даже может выиграть приз за своё безумие. Готрек перехватил взгляд Феликса.

— Макайссон верит в возможность полёта аппаратов тяжелее воздуха. Полагает, что может заставить вещи летать.

— Гирокоптеры летают, — заметил Снорри. — Снорри бывал на одном. Вывалился. Приземлился на голову. Без повреждений.

— Не гирокоптеры. Большие штуки! И он строит корабли! Корабли! Для гнома это нездоровый интерес. Я ненавижу корабли почти так же, как ненавижу эльфов!

— Он построил крупнейший пароход из когда-либо существовавших, — подключился к беседе Варек. — „Непотопляемый“. Длинной в две сотни шагов. Весом в пять сотен тонн. С

управляемыми паром скорострельными орудийными башнями. С экипажем из более чем трёх сотен гномов и тридцати инженеров. Он мог плыть со скоростью три лиги{1} в час. У него был такой впечатляющий вид — с лопастями, взбивающими море в пену, и реющими на ветру флажками.

«Звучит, безусловно, впечатляюще», — подумал Феликс, внезапно обнаружив, как далеко продвинулись гномы в этой странной магии, которую они называли „инженерией“. Как и каждый в Империи, Феликс знал про паровые танки — бронированные транспортные средства, которые были остриём могучих армий государства. Но выглядит так, словно в сравнении с этой штукой паровой танк — детская игрушка. И всё же удивляло, почему он никогда о ней не слышал, если она настолько впечатляюща?

— Что случилось с „Непотопляемым“? Где он теперь?

На короткое время гномы смущённо притихли.

— Эээ... он затонул, — наконец произнёс Варек.

— Столкнулся со скалой в своё первое плавание, — добавил Снорри.

— Некоторые утверждают, что взорвался паровой котёл, — сказал Варек.

— Потонул со всем экипажем, — добавил Снорри с почти счастливым выражением лица, с которым гномы, похоже, всегда встречают худшие известия.

— Кроме Макайссона. Его позже подобрал корабль людей. Макайссона отбросило взрывом, и он уцепился за деревянный брус.

— А потом он построил летающий корабль, — произнёс Готрек с явно злой иронией в голосе.

— Так и есть. Макайссон построил летающий корабль, — сказал Снорри.

— „Неразрушаемый“, — сказал Варек.

Феликс попытался представить корабль летящим. С трудом ему это удалось. Мысленным взглядом он представил что-то похожее на старые речные баржи на Рейке, с наполненными парусами и волочащимися вёслами. Волшебство, способное на такое, бесспорно, должно быть мощным.

— Изумительная была штука, — сказал Варек. — Огромная, как парусник. Украшенные резьбой железные турели{2}. Фюзеляж{3} длиной почти сто шагов. Он мог лететь со скоростью 10 лиг в час, при попутном ветре, разумеется.

— Что случилось с ним? — спросил Феликс, охваченный чувством, что ответ ему уже известен.

— Он разбился, — сказал Снорри.

— Боковой ветер и утечка поднимающего газа, — сказал Варек. — Большой взрыв.

— Все находящиеся на борту погибли.

— Кроме Макайссона, — произнёс Варек, словно была большая разница.

Похоже, он считал это важным.

— Его отбросило, и он приземлился на верхушки каких-то деревьев. Они задержали его падение и сломали ему обе ноги. Следующие два года пришлось пользоваться костылями. В любом случае, „Неразрушаемый“ был опытным образцом. А ты чего ожидал? Он же был первым в своём роде. Но теперь Макайссон с этим разобрался.

— Опытный образец? — произнёс Готрек. — Погибло двадцать хороших инженеров-гномов, включая мастера Улли, заместителя главы гильдии, а ты говоришь про „опытный образец“? Макайссону следовало обрить свою голову.

— Он так и сделал, — сказал Варек. — После того, как его с позором выгнали из гильдии. Он не смог вынести бесчестья, сам понимаешь. Они устроили ему Ритуал Брючных Штанин. Жаль. Мой дядя говорит, что Макайссон был лучшим инженером из всех когда-либо живших. Он говорит, что Макайссон — гений.

— Гений в том, как убивать других гномов.

Феликс обдумал, что Готрек сказал про бритьё Макайссоном головы.

— Ты имел в виду, что Макайссон стал Истребителем Троллей? — спросил он Варека.

— Да. Разумеется. Однако он продолжает заниматься инженерной работой. Говорят, он решил доказать работоспособность своих теорий или погибнуть.

— Спорю, что ему удастся, — угрюмо пробормотал Готрек.

Феликс не слушал. Его одолевала другая, более беспокоящая идея. С учётом Готрека и Снорри, в одном месте соберутся три Истребителя Троллей. Что затевает дядя Варек? От задания, для выполнения которого требуются три Истребителя, плохо пахнет. В действительности, от него явно несёт самоубийством. Внезапно, прорвавшись даже через жуткую пелену его похмелья, в фокусе раздумий Феликса оказалось кое-что из того, что ранее рассказал Варек.

— Ты говорил, что ранее слышал семенящие шаги, — сказал одолеваемый ужасными подозрениями Феликс, думая о небольшой фигуре, замеченной им в подлеске. — По дороге на встречу с Готреком и мной.

Варек кивнул:

— Только ночью, когда мы сделали привал.

— У тебя не возникло соображений, что могло производить эти семенящие шаги?

— Нет. Возможно, лиса.

— Лисы так не передвигаются.

— Крупная крыса.

— Крупная крыса..., — Феликс покачал головой.

Это как раз то самое, что он не хотел бы услышать. Феликс глянул на Готрека, чтобы удостовериться, понял ли Истребитель ход его мысли. Но голова гнома была запрокинута, и он безучастно уставился в пространство. Похоже, что он занят своими собственными мыслями, и не обратил никакого внимания на разговор.

Крысы наводили Феликса лишь на одну мысль, и мысль эта его пугала. Они заставляли его думать о скавенах. Возможно ли, что мерзкие крысолюды выследили его даже здесь? Мысль была безрадостной.

Феликс сидел у костра и вслушивался в неровное ржание мулов. Темнота и редкий отдалённый вой волков заставляли тех нервничать. Феликс поднялся и провёл рукой по боку ближайшего к нему мула, пытаясь его успокоить, затем вернулся к костру, возле которого спали остальные.

Целый день тропа поднималась в Костяные холмы, которые оказались столь же унылыми и непривлекательными, как и следовало из их наименования. Вокруг не было деревьев, лишь покрытые лишайником скалы и крутые холмы с короткой, низкорастущей травой. К счастью, Варек додумался захватить с собой дрова, иначе они провели бы ночной привал в гораздо более неудобных условиях. Несмотря на летнюю жару днём, ночью в холмах было холодно.

Ужин составлял хлеб, закупленный в таверне в Гюнтерсбаде, и ломти жесткого гномьего сыра. После этого они расселись вокруг костра, и все три гнома раскурили свои трубки. В роли аккомпанемента для них выступал отдалённый волчий вой. Феликс находил, что вой наводит тоску лишь немногим менее, чем гномьи разговоры, которые всегда вертятся вокруг древних обид, историй о давно перенесённых напастях, и легендарных пьяных запоев. А ужаснее вой был почти заглушающий его звук гномьего храпа. Феликс вытянул короткую соломинку и выиграл сомнительную честь нести первую стражу.

Феликс старался не смотреть на огонь и удерживал взгляд в направлении темноты, чтобы не повредить своему ночному зрению. Он был обеспокоен. Он продолжал думать о скавенах, и его приводила в смятение мысль об этих крысолюдах — свирепых отродьях Хаоса. Феликс вспоминал столкновение с ними в битве за Нульн. Это напоминало видение из ночного кошмара — сражение во тьме с человекообразными крысами размером с человека, которые, подобно людям, ходят на двух ногах и сражаются с оружием в руках. Вернувшиеся воспоминания об их ужасном чирикающем языке и о том, как блестят в темноте их красные глаза, заставили его содрогнуться.

Но наиболее внушающим страх было то обстоятельство, что скавены создали свою цивилизацию — ужасную пародию на человеческую. У них была своя культура, свои собственные чуждые технологии. У них были свои войска и изощрённые виды вооружения, некоторым образом более продвинутые, чем любые из тех, что когда-либо производило человечество. Феликс видел их, когда они появились из канализации для захвата Нульна. Перед его глазами ещё возникала картина, как чудовищная орда наступает через горящие строения, уничтожая всё на своём пути. Яркими были воспоминания о зелёном пламени огнемётов искривляющего огня, переливающимся в ночи, и шипении человеческой плоти, словно поедаемой струями пламени.

Скавены были непримиримыми врагами человечества, всех цивилизованных рас, но находились те, кто за плату вставал на их сторону. Феликс лично убил их агента Фрица фон Гальштадта, занимавшего должность шефа тайной полиции курфюрста Эммануэль. «Сколько же ещё других агентов крысолюдей занимают высокие посты?» — прикидывал он. Сейчас, в этом пустынном месте, ему не хотелось думать об этом. Он отмахнулся от мыслей о скавенах и попытался поразмышлять о чём-либо другом.

Феликс позволил своим мыслям углубиться в прошлое. Вой напомнил ему о ужасных последних днях в форте фон Диела на землях князей Порубежья, где ему довелось наблюдать гибель Кирстен, своей первой настоящей любви, убитой Манфредом фон Диелом. Он стал свидетелем жестокой резни, учинённой над большинством населения волчьими всадниками-гоблинами,

проникшими в форт из-за измены Манфреда. Странно, но он всё ещё помнил измождённое лицо Кирстен и её мягкий голос. Феликс раздумывал о том, мог ли он сделать что-нибудь, чтобы изменить ход тех событий. Эта мысль время от времени мучила его в тихие ночные часы. То событие по-прежнему болью отдавалось в нём, хотя за давностью это ощущалось всё реже, и он понимал, что скорбь постепенно проходит. Теперь он даже проявлял интерес к другим женщинам. Там, в Нульне, у него была Элисса, служанка из таверны, но в итоге она ушла.

К нему приходили очень яркие образы улыбающейся крестьянской девушки на поле. Он раздумывал о том, чем она сейчас занимается. Феликс смирился с тем фактом, что вряд ли о ней когда-либо услышит, так же, как и она о нём. В мире так много подобных случайных встреч. Возможностей, что никогда не реализуются. Романтических отношений, что погибают прежде, чем им представляется шанс развиваться. Он сомневался, встретится ли ему когда-либо другая женщина, которая сможет взволновать его столь же сильно, как Кирстен.

Он оказался настолько поглощён своими мыслями, что лишь через какое-то время обнаружил, что слышит семенящие шаги и мягкие звуки коготков, скребущих по каменистой скале. Он сместился ближе к поверхности земли, а затем осторожно посмотрел вокруг, внезапно испугавшись, что в любой момент в спину ему может вонзиться отравленный нож, причиняя жгучую боль. Однако семенящие звуки стихли, как только он начал двигаться.

Феликс не шевелился и затаил дыхание на длительное время, и шаги возобновились. Там. Звук послышался справа от него. Вглядевшись, он увидел блеск красных глаз и тёмные очертания, всё ближе подползающие по вершине холма. Он плавно вынул свой меч из ножен. Магический клинок, доставшийся ему от погибшего рыцаря-храмовника Альдредра, легко ощущался в его руке. Он было собрался выкрикнуть предостережение остальным, когда прозвучал чудовищный завывающий боевой клич. Он узнал голос Готрека.

Воздух наполнил странный мускусный запах, который был Феликсу уже знаком. Крысоподобные фигуры немедленно развернулись и обратились в бегство. В ночи на огромном тополе Истребителя засветились руны. Он бросился в темноту, за ним стремительно проследовал Снорри Носокус. Феликс сам было побежал за ними, но глаза человека не могут видеть в сумраке, в отличие от глаз гномов. Он вздрогнул, когда рядом с ним встал Варек с одной из своих чёрных зловещих бомб в руке. Свет костра отражался в очках молодого гнома и обрамлял его глаза огненным ореолом.

Плечом к плечу стояли они долгие напряжённые минуты, ожидая услышать звуки сражения и увидеть стремительную атаку толпы крысолюдей. Единственный услышанный ими звук был топотом сапог возвращающихся Готрека и Снорри.

— Скавены, — презрительно сплюнул Готрек.

— Они сбежали, — расстроено произнёс Снорри.

Расценивая происшествие, как если бы не случилось ничего, заслуживающего внимания, они вернулись на свои места у костра и улеглись спать. Феликс позавидовал им. Он знал, что этой ночью ему не уснуть даже после окончания его стражи.

«Скавены», — подумал он и вздрогнул.